

18+

ВЛАД РЕВЗИН

УВЕ КЛЮГ

1942

ЗАТМЕЧЕНИЯ
В
МЮНХЕНЕ

Влад Ревзин

Затемнения в Мюнхене

«Издательские решения»

Ревзин В.

Затемнения в Мюнхене / В. Ревзин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513896-5

Уве Клюг распоряжением руководителя Главного управления гестапо избегает направления на Восточный фронт. Он помимо воли назначен «особым представителем канцелярии гестапо» и отправлен в Мюнхен. Из Берлина прибывает еще один уполномоченный представитель РСХА. Его миссия, — выявить вражескую цепочку агентов, оперирующих в Мюнхене. Уве знакомится с заместителем гауляйтера Баварии, нарушает покой секты мифологического божества древних германцев Вилена; получает пулю от советского шпиона...

ISBN 978-5-00-513896-5

© Ревзин В.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	16
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Глава шестая	26
Глава седьмая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Затемнения в Мюнхене

Влад Ревзин

© Влад Ревзин, 2020

ISBN 978-5-0051-3896-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая книга: «Немецкой серии» об Уве Клюге называется «Сумерки берлинских идо-
лов» 1934 год. ISBN 978-5-4498-2462-2

Вторая книга: «Палачи и убийцы времен аншлюса» 1939 год. ISBN 978-5-0051-2403-6

MUNICH 1942

Предисловие

На дворе конец 1942 года.

Колоссальная военная машина Гитлера начала давать сбои. Силы союзников готовятся к нанесению решительных ударов. Третий Рейх напоминает серьезно раненого зверя, – опасного, но слабеющего с каждым днем.

Руководители Германии, может и осознают серьезность создавшегося положения, но не желают признать это публично.

Но механизм сыска и подавления пока работает, как двигатель новенького «Mercedes-Benz 770», «Большого Мерседеса»,

В этот раз Уве Клюг распоряжением руководителя Главного управления гестапо избегает направления на Восточный фронт, в Сталинградскую мясорубку. Он помимо воли назначен «особым представителем канцелярии гестапо» и отправлен в Мюнхен.

В городе произошла вереница убийств офицеров полиции и службы безопасности. Несмотря на строжайшую секретность, убийства странным образом описаны в дневнике, найденном в разрушенном британской бомбардировкой доме на окраине города. И дом, и дневник принадлежали бывшему начальнику Уве Клюга, заместителю начальника берлинской полиции времен Веймарской республики Йозефу Майеру.

Майер при бомбардировке погиб; из Берлина прибывает еще один уполномоченный представитель РСХА. Его миссия, – выявить вражескую цепочку агентов, оперирующих в Мюнхене. Есть основания полагать, что Йозеф Майер работал на советскую разведку, и в 1934 году принимал участие в исчезновении немецкого «эликсира истины» (эта операция описана в книге «Сумерки берлинских идолов»).

Пути Уве Клюга и штурмфюрера Штайнера пересекаются; каждый стремится достичь поставленной цели. Возникает нечто, похожее на сотрудничество, на что враждующие стороны в Управлении гестапо на Принцальбертштрассе явно не рассчитывали.

Уве знакомится с заместителем гауляйтера Баварии, нарушает покой секты мифологического божества древних германцев Вилена; получает пулю от советского шпиона. Бродит по темным переходам старинного поместья, где не все обитатели мирны и дружелюбны. Он принимает участие в охоте на чудовище, попадает в архив тайной полиции Мюнхена, теряет дневник, что грозит ему отправкой в концлагерь.

Активным персонажем действия выступает британская авиация, тяжелые бомбардировщики «Ланкастер» даже спасают Уве жизнь...

Мотив серии убийств уходит в прошлое, – и, конечно, Уве Клюг разберется во всем.

В.Р.

В ночь с 19 на 20 октября 1942 года с аэродрома Пайк- Райлинг, что в Кембриджшире, поднялись один за другим британские тяжелые бомбардировщики «Ланкастер».

Воздушную ударную эскадру сопровождали соединения двухмоторных Веллингтонов. Авиагруппу составили два крупных соединения.

Им придавались истребители прикрытия «П-47», и многочисленные звенья «митчеллов», «бомфунов» и «тайфунов», – для отвлекающих ударов в окрестностях цели.

В двадцать три плюс девять авиагруппа достигла побережья материка, и углубилась в пространство над территорией Бельгии.

Не достигнув Германии, первое авиакрыло отклонилось к границе Голландии, и изменило курс в сторону Кёльна. Второе соединение левым крылом миновало Мангейм, оставило справа Штутгарт, и двинулось к Альпийским и дунайским рейхсгау.

Но целью британской авиации была не территория бывшей Австрии.

Через 245 минут после взлета и построения 89 бомбардировщиков ВВС Великобритании ворвались в ночное небо над Мюнхеном.

Город в это время спал.

До мая 1940 года в небе Мюнхена появлялись только разведывательные самолеты союзников, а последующие попытки британских бомбардировщиков достичь города не увенчались успехом. Население продолжало верить в свою безопасность в предполагаемом бомбоубежище Рейха.

Пробуждение стало ужасным.

Сирены взвыли лишь тогда, когда второй удар бомбового груза обрушился на ошеломленный внезапной атакой город. Противовоздушная оборона оказалась настолько беспомощной, что в первой фазе операции предоставила английским летчикам полную свободу. Громадный город оказался на положении бескрылого пингвина: невидимый в ночном небе крылатый агрессор бомбил его сверху, как хотел.

Мюнхен стал весьма привлекательным для британских ВВС в качестве цели бомбардировки из-за базирующихся здесь вооруженных компаний, – таких как «Dornier» и производитель авиационных двигателей «BMW», функции города в качестве транспортного узла: аэродрома Обервизенфельд и аэропорта Рим); главного железнодорожного вокзала. В конце концов, Мюнхен служил столицей коричневого движения NSDAP и местоположением многочисленных провинциальных и государственных органов власти.

Бомбардировщики опустошили Зонненштрассе в центре города, – от Сендлингерторплац до Карлсплац, и область к западу от фонтана Виттельсбахера.

В Швабинге район вокруг площади Элизабет горел единым костром. Частная квартира Гитлера на Принцрегентенплац 16 была повреждена ударной волной бомбы, взорвавшейся на соседней улице. Британцы позднее не смогли воспользоваться этим успехом для пропаганды, потому что это осталось неизвестным во время оценки результатов рейда.

168 тонн бомб, при большом количестве авиационных мин, оставили разрушительные последствия, убив 143 человека и ранив 413.

Лишь через 12 минут после объявления воздушной тревоги, в воздух поднялись «Мессершмиты».

Атака защитной авиации принесла определенный эффект. «Мессершмиты» носились вокруг «Ланкастеров», валились на них сверху, атаковали снизу, стремясь прострелить бомбардировщикам брюхо.

Некоторые шли в лоб.

Внизу, – там, куда из бомболюка черными тенями бесшумно скользили бомбы, расширялось и колыхалось в ночи багровое зарево.

В эту ночь британцы уничтожали Мюнхен зажигательными бомбами и фугасами весом 3600 кг. Каждый такой фугас поджигал и сносил все на площади до двух гектар. Пожары сливались в огненные штормы, бушевавшие в городе, выжигая центр.

Сверху к морю огня подходила новая волна «Ланкастеров», и сваливала на кварталы смертоносный груз. Бомбардировщики второй волны шли среди разрывов проснувшихся зенитных орудий. Разрывы расцветали то справа, то слева, и эти смертоносные черные одуванчики раскрывались все ближе и ближе, подбираясь к самолетам.

Там, на земле, наводчик вносил поправки в прицел, чтобы попасть следующим выстрелом в бомбардировщик, который, идя на цель, должен был выдерживать скорость и направление.

В тот вечер ВВС потеряли шесть самолетов.

Налет стал началом новой стратегии командующего бомбардировочными соединениями британских ВВС маршала авиации Артура Харриса. Целями нападений были объявлены даже не военные объекты, а опустошение целых кварталов и деморализация их населения. Вот

почему британские планировщики воздушного рейда не исключали сброс бомбовой загрузки в густонаселенных кварталах центра, – и к тому же изначально несовершенная навигация позволяла целеполагание всего лишь с точностью до «города».

Десятки и десятки домов охватили пожары. С домов от взрывов многотонных бомб слетали крыши и вылетали окна, – и тогда наступал черед сквозняков, раздувавших пожары.

Предместья не пострадали, лишь в части домов повывлетали стекла.

На окраинной Карл-Теодор-штрассе в ту ночь пострадал лишь один угловой дом, под номером 7. Взрыв бомбы разрушил крышу двухэтажной постройки; обломки стропил, перекрытия, стены второго этажа сложились внутрь. Огонь, к счастью, не перекинулся на соседние здания, и быстро угас.

Утром горожане разбирали завалы пострадавших улиц, искали под ними живых и мертвых родственников. Работали пожарные команды и полиция, городские власти пытались навести порядок, – в первую очередь очистить улицы для проезда, и обеспечить подвоз воды и продуктов.

Растерянность и паника охватили души людей, несмотря на все усилия мэрии нормализовать положение.

Глава первая

Следующая ночь выдалась темнее предыдущей.

По Бергонштрассе, от местечка Аубинг, мимо замка Блютенбург, к предместью Оберменциг пробирались два велосипедиста. Свет маленьких фар плясал на неровной поверхности дороги, зады болели от постоянных подскоков на ухабах и ямках.

Отто и Фриц Мольтке, братья, раньше каждый день помогали отцу в бондарной мастерской. Отто в сентябре исполнилось пятнадцать, брат был на два года младше. Тем не менее заводилой обычно оказывался Фриц.

Вот и сегодняшняя затея оказалась целиком идеей младшего. Отца полгода как забрали во вспомогательную полицию, в Регенсбург; работы и денег не было, – и Фриц, узнав о налете бритов, предложил пошарить на пожарищах в городе.

Два маленьких мародера вооружились брезентовыми мешками и фонарем. Мешки имели ремни, что позволяло крепить добычу на рамах велосипедов.

– Там может быть еда, – вдохновлял брата Фриц. – Колбаса! Или сосиски! А может, консервы... или деньги, или...

Он сглотнул слюну, и тут же чуть не вылетел из седла, наскочив колесом на трещину в асфальте.

– ...золотые драгоценности! Их можно будет продать, или обменять на еду...

– Как ты сможешь разобрать, где золото? – спросил Отто. – Ты никогда не видел эти... драгоценности.

Человек, не знавший Отто, мог решить, – парень сейчас проявил рассудительность и жизненную сметку. Но это было бы ошибочным выводом. Отто страдал тугодумием, родился неуклюжим увальнем, и во всем полагался на Фрица. В этом тандеме Фриц выступал мозгом, а Отто, – задницей.

– Увижу, разберу, – безапелляционно ответил младший брат, аккуратно объезжая корогию лепешку.

Усердно работая педалями, братья достигли Оберменциг.

В окнах домов на окраине плавала темень. Дальше, перекресток Бергонштрассе и Карл-Теодор-штрассе освещал лишь одинокий фонарь.

– Посмотри-ка на тот дом, – негромко позвал отставшего брата Фриц. – Эта развалюха нам сгодится.

Отто поравнялся с братом, остановил велосипед. Скрипнули тормозные колодки. Он недоверчиво глянул в направлении, указанном Фрицем.

– Что-то мне не хочется туда, – пожаловался старший брат. – А если бревно на голову свалится?

Темный силуэт дома с разрушенной крышей в слабом свете фонаря, и еще более слабом отсвете неба, затянутого дымом, и в самом деле выглядел неприветливо.

– Может, станешь лучше соображать.

Отто передернул плечами.

– Эта вонища, – сказал он нерешительно, – мне не нравится. Противный запах. Так пахло, когда папа палил свиную шкуру соломой. Не знаю...

– А ты сообрази. Старый Готлиб рассказал, что разбомбили половину города. У полиции нет времени приехать сюда, – хватает дел в самом Мюнхене. Света нет. Хозяин вряд ли захотел остаться спать без крыши. Дом, похоже, богатый. Смотри на ограду, – кованая. Стены из кирпича. Значит, и внутри есть чем поживиться. А запах, – не обращай внимания... Пошли!

Отто покачал головой:

– Ты всегда нарушаешь мамины приказы. Что было в прошлый раз?

– И что такого? – переспросил младший брат, слезая с велосипеда. – Мешок картошки в подвале. Уже месяц едим. Плохо?

– Ты умный, – отметил Отто, протискивая велосипед в калитку.

Они оставили велосипеды в тени большого дерева, стоявшего перед зданием, и поднялись по ступеням.

– Черт, заперто, – прошипел Фриц.

– Едем домой?

– Нет, не едем. Идем на задний двор.

Братья на цыпочках двинулись вокруг дома.

– Гляди, окно открыли!

– Не открыли, его снесло взрывом. Фонарик с тобой?

Они проникли внутрь дома, Отто с известным трудом.

На полу комнаты, прямо по ковру, лежали разбросанные в беспорядке книги, обломки мебели, осколки. Пол засыпало штукатуркой.

– Давай мешок, – прошептал Фриц, осветив телефонный аппарат, лежащий у перевернутого стула. – Совсем целехонький. За такой много кровянки возьмем...

– А лампу разнесло, – пожаловался Отто. – Жалко. Красивая была. Можно было маме в спальню поставить.

– Что там лампа? Погляди на стол.

Тяжелый стол разнесло, словно ударом гигантского топора. Столешницу разрубил на две части, ящики повывлетали, и разбитые, лежали у стены.

– Хорошо бомбануло, – похвалил Отто.

Фриц подпрыгнул, наступив на какой-то мягкий предмет.

– Хорошая штука, – отметил он, подняв его и осмотрев. – Кожаная. Пихай в мешок.

Отто споткнулся о ножку лежащего стула и упал на колени.

– Тихо ты! Смотри под ноги, корова!

Отто поднялся с книгой в руке.

– Гляди, – сказал он. – «Су-мм-ер-ки берли... ага, берлинских идолов». Что такое идолы?

– Истуканы, из дерева или камня. В церкви такие стоят...

– Берем?

– Брось! Кому сейчас нужны книги. За них и морковку не дадут. Надо идти наверх.

За дверью комнаты раздался шорох.

– Может, не надо? Страшно что-то...

Фриц и сам вздрогнул, когда будто бархатная лапа прогладила хребет снизу вверх. Но в его характере не было заведено показывать страх, особенно перед Отто.

Еще чего!

– Наверное, крысы. Тут неподалеку бойня, говорят, вся окраина кишит ими. Жрут коровьи кости и кишки, и вырастают до размера эльзасцев.

– Ай! Мама!

Фриц похлопал братца по плечу:

– Не бойся, они тебя не тронут. Пошевеливайся! Наверху мы найдем ценные вещи. А сейчас идем туда, напротив. Свети под ноги!

В узком коридоре, где пол усыпали осколки зеркала, и луч фонаря разбился на тысячу отражений, они забрали лежащий у входной двери роскошный висячий замок. Отличный замок, – с основным ключом, и с дополнительной скважиной сбоку, – для маленького ключика.

Фриц каждый вслух оценивал примерный пищевой эквивалент добычи.

Чуть дальше они нашли трубку и жестянку с табаком. Трубку и жестянку Отто так же заботливо упаковал в мешок.

Затем братья перебрались в комнату, напротив той, с разгромленным столом.

Здесь, осветив стены, Фриц присвистнул.

– Вот это удача!

Комнату бомба пощадила.

В шкафах на полках поблескивала посуда, фарфоровые статуэтки. Здесь хранилось более десятка часов, – настенные, каминные, ходики, с кукушкой. Лишь одни часы сорвались с гвоздя и валялись на полу. Оттуда при взрыве вылетела деревянная фигурка смерти, держащая в костлявых руках косу.

– Гляди, – восхищенно приговаривал Фриц, вытаскивая из шкафа шкатулку.

Внутри шкатулку наполняли цепочки, медальоны, на дне, -пара медалей; тут же плетеный бело-коричневый погон с жестяной пуговицей.

– Клад! – обрадовался младший.

– Офицерский? – спросил Отто, имея в виду погон.

– Кажется, полицейский... гаупт-вахмистр вроде...

В глубине скрипнуло так сильно, что оба подпрыгнули, потом настороженно прислушивались, – сердца колотились так сильно, что можно было услышать на улице.

– Кидай в свою сумку все, что не бьётся! – приказал Фриц. – Этих только глиняных не бери.

Он указал на маленькую коллекцию фарфоровых пастушек.

Оба слаженно заработали, заполняя мешки безделушками.

Когда Фриц потянулся за фотографией женщины в серебряной рамке, оглушительный гром потряс дом. С потолка посыпалась штукатурка, прямо перед носом Отто по стене зигзагом прострелила трещина, в проем двери мощный порыв воздуха вдул душное облако пыли.

– Бомбежка! – завизжал Фриц.

Это была не бомбежка. Рухнула лестница, ведущая на второй этаж.

Подхватив мешки, братья зайцами выскочили из комнаты. В коридоре им пришлось преодолеть настоящую гору из обломков.

Спотыкаясь, они пробежали сквозь комнату с поломанным столом, причем Отто успел побывать на коленях и локтях, уронить и снова подхватить свой мешок.

Во дворе, побросав мешки на багажники, и выбив ударами ног калитку, оба вскочили на педали.

На улице было все так же пустынно. Братья припустили по Бергонштрассе, и лишь миновав последние дома, сбросили скорость, чтобы перевести дух.

Однако здесь их ждало еще одно приключение, – и пострашнее темного дома.

Младший брат заметил впереди в темноте тень, привстал в седле, взгляделся в кусты у дороги, и заорал:

– Аааааа!!

Заскрипели тормоза, Фриц резко повернул велосипед, и помчался обратно, к Карл-Теодор-штрассе. Он миновал полуразрушенный дом и понесся в город со скоростью, с которой не ездил еще ни разу за свою короткую жизнь, да и после никогда не удавалось.

Его «Аааааа!» еще долго отдавалось от стен...

Отто оказался не столь быстр. Когда он обнаружил, что у куста, в нескольких шагах от него, стоит некто, высокий и в необычной одежде, Отто даже удивился: зачем так кричать?

Человек, – или существо, для ночной прогулки облачился в длинный халат, затянул его ремнем. Торс защищало подобие кольчуги. На голове тускло поблескивал шлем, – но не обычный, солдатский, а увенчанный торчащими вверх крыльями, словно шлем собирался улететь.

А вот когда Отто увидел меч у НЕГО в руке, колесо велосипеда вильнуло в сторону, и парень свалился в канаву. Он выскочил оттуда, и оглянулся, чтобы убедиться, -существо двинулось в его сторону.

Отто не стал ждать, что будет дальше, дал стрекача в темноту, -напролом сквозь чей-то огород, – падая, поднимаясь, и подвывая от страха.

Велосипед и мешок остались в придорожной канаве.

Гигант с мечом остановился посреди дороги и, медленно поворачивая голову, глянул сначала в сторону города, потом в темноту, в которой исчез Отто.

После этого он опустил голову, замер под зарядившим мелким дождиком. Он походил на скульптуру мифологического животного с рогами, вставшим на задние лапы.

Когда чудище опять подняло голову, его борода, словно щупальца дохлого осьминога, заблестела. Несмотря на октябрь, туника не имела рукавов. да и ноги, почти до колен, были открыты ночному холоду.

Странное ночное существо попятилось и исчезло за придорожными кустами.

Глава вторая

За час с четвертью до рассвета на дороге загрохотал возок с хворостом. За вожжами, управляя маленькой жилистой лошадежкой, сидел немолодой крестьянин.

И селянина, и его домик, в трех километрах от предместья Оберменциг, звали Пфедермистом.

Человеком он слыл пустым и несдержанным на язык. Пфедермист выполнял обязанности лесника, приторговывал дровами для растопки и хворостом, пил пиво и постоянно попадал впросак.

Он увидел блеск никелированного руля, остановил свою верную клячу и спустился в канаву. Вытащив велосипед на дорогу, Пфедермист осмотрелся, закинул находку в возок, накрыл рогожей, кое-как развернул лошадежку, – и потрусил прочь, замирая от каждого звука на дороге.

Когда Пфедермист достиг своего двора, он вздохнул с облегчением, снял велосипед с возка, занес в сарай за домом. Он любовно оглядел велосипед, отстегнул ремень и стащил с багажника мешок.

В мешке оказалось столько блестящих и красивых вещей, что у старого воришки разбежались глаза. Особенно ему приглянулись по душе деревянные часы, с дивным блестящим циферблатом; также были хороши металлический судок и хитрый замок с двумя ключами.

В конце концов со дна он выудил то, что малыш Фриц назвал «кожаной штучкой». Толстая тетрадь в кожаной обложке с защелкой.

Пфедермист открыл тетрадь, равнодушно прочел надписи на первой страничке, написанные каллиграфическим почерком:

«Йозеф Майер, 1941—1942», и ниже, – «тетрадь #9».

Тетрадку использовали примерно на две трети, остальные листы остались нетронуты.

На следующей странице оказался вклеенный рисунок, – какой-то древний вояка. Здоровый дядька, – сидит на троне, облаченный в странную одежду. В руках держит копьё и щит, вокруг собаки и вороны.

Пфедермист прочел запись на следующей странице: «Верховное божество древних германцев по имени Вотан (в других источниках Один)».

Пфедермист нежно погладил мягкую кожаную обложку, выдернул оттуда тетрадь и швырнул в угол, в ящик со старыми газетами для печки. Тетрадь влетела в ящик, сползла по его стенке вниз и корешком коснулась дна.

Кожаная обложка перекочевала под мышку, хозяин вышел из сарая, и закрыл за собой дверь.

Остановился, покачал головой, вернулся в сарай, выудил расхристанную тетрадь, отнес ее в нужник и положил на доску стульчака возле крышки...

На следующий день, в послеобеденное время, сержант полиции воздушной защиты Герман Клотц, или как ему больше нравилось, гауптgruppenführер люфтшцуполицай Клотц, выполнял свой второй за сегодня обход Аубинга.

Лишь вчера на разводе его назначили на патрулирование городка и окрестностей, и Клотц был преисполнен долга.

Командир гражданской обороны герр Шнитке возлагал на него личную ответственность за порядок.

Закончив с главной улицей городка, Клотц сел на старенький чешский мотовелосипед «CZ» и принялся крутить педали. Одной из его обязанностей была отметиться к концу дежурства в пункте службы гражданской обороны, в предместье Оберменциг.

Страшный налет на Мюнхен двумя днями ранее не заботил Клотца. Он вообще ни о чем не беспокоился. Главное, – прилежно выполнять указания начальника, и все будет в порядке. Хороший служака был сержант.

Но сейчас Клотц чувствовал себя в чужой тарелке.

Пообедав холодной вареной картошкой, сдобренной хорошей порцией комбижира, он уже скоро почувствовал опасное бурление в желудке.

Некоторое время он размышлял, – то ли он всю жизнь питался одной холодной картошкой, то ли он никогда больше не сможет смотреть на жир.

Неудобство нарастало, Клотца подбрасывало в седле, и скоро гауптgruppenфюрер решил, что пора.

На беду, с отрезком дороги между Аубингом и предместьем Мюнхена граничили только картофельные поля, совершенно голые в эту пору. Клотц был слишком дисциплинирован и стыдлив.

Однако желудок сообщал о себе, перекрывая стрекот маленького двигателя.

Поэтому он без колебаний воспользовался счастливой возможностью в лице скромного нужника, дремавшего под подсвистывание ветерка у забора владений Пфедермиста.

Неловко махнув рукой хозяину, складывающему поленницу во дворе, Клотц исчез за дощатой дверью.

Пфедермист окаменел, и вместе с деревянной чуркой образовал, на некоторое время, нечто похожее на скульптуру «Немецкий крестьянин с поленом», но Клотц этого не заметил.

Сидя на деревянном стульчаке в ожидании второй волны, гауптgruppenфюрер думал о своей жизни, патриотизме, и служению государству. Нашупал справа от себя некую тетрадку и решил, что это очень кстати.

В сердечко, вырезанное в двери, вместе с холодом проникал дневной свет.

Морщась от испарений, Клотц засмотрелся на гравюру, вклеенную на обратной стороне первого листа. Божество на троне, в шлеме с двумя вертикально поднятыми крыльями, бородища как у Санта-Клауса. Вооружен мечом и копьем, собаки у ног, одет в тунику с короткими рукавами.

Клотц вздохнул, перевернул несколько страниц.

То, что он прочел на одной из них, ускорило процесс до такой степени, что гауптgruppenфюрер уже через секунду вылетел из дощатого домика, схватил Пфедермиста за шкуру, и начал тыкать его лицом в тетрадку.

Он тыкал пальцем в строчки:

«7 октября. На совещании у лорда-мэра третьим пунктом: находка тела гауптштурмфюрера СС Киля, те же признаки. Поручение гестапо, создание расширенной группы расследования, – шестой случай».

– Этто что такое?! – орал он, а его штаны падали к носкам сапог...

Через два с половиной часа тетрадь, которую вскоре стали именовать не иначе, как «Дневник Йозефа Майера», был с докладом вручен герру Шнитке, командиру гражданской обороны, а еще через 45 минут находка лежала на столе начальника отделения гестапо Оберменциг оберштурмфюрера Ранцига.

Пфедермиста арестовали, и в ответ на его версию о сокровищах в придорожной канаве несколько раз врезали по морде, но следствию это не помогло.

Еще два дня спустя гауляйтер Гизлер и лорд-мэр Филер устроили идеологически заряженную похоронную службу на Северном кладбище, для жертв налета. Стены часовни затянули материей цвета запекшейся крови, каждый гроб накрыли нацистским стягом со свастикой. Звучала браваурная музыка, все обставили торжественно и мрачно, в стиле Третьего рейха.

Глава третья

Повестку в военный комиссариат Уве Клюг получил 25 октября.

Проверив документы, дежурный лейтенант объявил:

– Оберфельдфебель Клюг! Назначены командиром взвода роты 203-го гренадерского полка 76-й пехотной дивизии. Завтра в 6 утра быть в точке сбора! Отправляйтесь в лагерь резервистов в Потсдам. Пройдете тренировочные курсы.

В лагере он и еще несколько сотен резервистов распределили по баракам. Дивизия была сформирована в Потсдаме в августе 1939го и успела поучаствовать во французской кампании. Штаб дивизии и тренировочный лагерь продолжали до сих пор функционировать на территории третьего округа.

Два дня они знакомились с новым оружием.

– Это получит каждый? – спрашивал мужчина с выпученными глазами на широком лице.

Ему было не меньше 45-ти.

– Нет. Пистолеты – пулеметы получают командиры взводов. Остальные, – винтовки и пистолеты.

Уве раз двадцать собрал и разобрал MP-40, подивился раскладному прикладу и магазину на 32 патрона.

Потом рота отмаршировала на стрельбище, и резервисты до конца дня произвели несколько серий выстрелов по поясным мишеням.

Уве оценил возможности своего нового оружия. Огонь он вёл прицельно на дистанциях от 25 до 40 метров, короткими очередями по 2—5 выстрела. Пулемет оставил хорошее впечатление.

В казарме перед отбоем, резервист с выпученными глазами, чья койка оказался рядом с его, сказал Уве:

– Вы готовы умереть за фюрера?

Уве ответил:

– Это наш долг!

– Отличный ответ, – ответил широколицый.

Осмотрелся.

В казарме еще никто не спал, люди болтали друг с другом, возились с одеждой, многие курили снаружи.

– Мы на пополнение, – сообщил широколицый. – В шестой армии большие потери, – до половины личного состава. Восьмой армейский корпус потерял до двух третей. Группа армии «Юг»...

– Зачем вы это мне говорите? – прервал его Клюг.

– Мы едем туда, – ответил собеседник, кося в сторону. – Мой племянник, его привезли несколько дней назад. Сейчас в госпитале, рассказал, что там творится. Ожесточенные бои, это ни на что не похоже. За дом, за лестничную площадку, за квартиру. С обеих сторон по городу бьет артиллерия, – наша из степи, русские из-за Волги...

– Я доложу о вашей болтовне начальству, – строго сказал Уве. – Сеете панику...

Широколицый выпучил глаза больше обычного.

– Отличный ответ, – повторил он и полез на второй уровень.

Никому ничего докладывать Уве не собирался. Если это паникер, – он уже страдает от страха. Если это провокатор гестапо, – дальше фронта не пошлют, а Уве это предстояло в ближайшем будущем.

На инструктаже командиров рот и взводов обер-лейтенант, ответственный за тактическое обучение, сказал:

– В Сталинграде жизнь заставляет вместо обычного деления на пехотные взвода и роты использовать усиленные штурмовые группы, с миномётами и огнемётами. То же самое делает и противник. До убытия полка на фронт отработываем именно такое деление команды...

Вечером второго дня, когда к полевой шинели раздали каски, ранцы, фляги, а Уве Клюг получил планшет и кобуру к Вальтеру, – стало ясно, что отправление запланировано на завтра.

Как ни странно, но ночь он проспал, как младенец.

Утром к баракам подали крытые грузовики Форда и «Боргварды».

Уве погрузил роту на трехтонки, занял свое место в кабине серо-синего цвета. Восходящее солнце отражалось в стеклах грузовиков, слепило глаза.

Дизель взревел, Уве оглянулся на грузовик, который как раз занимала вторая рота. Лица людей выражали сосредоточенность, многие держались подавленно, встревоженно.

Колонна вышла за пределы лагеря и двинулась к станции. Грузовики месили грязь.

Водитель, молодой парень, с хрустом переключил рычаг, покосился на Клюга и спросил:

– Ты готов умереть за фюрера?

– Это единственное, что здесь всех интересует?

– А что еще? Выбиться в командиры?

Уве мрачно хмыкнул, но промолчал. Говорить не хотелось.

А вот водителя распирало:

– А я тебе предскажу твое ближайшее будущее. 30 километров по такой дороге, – это час езды. Прибываем на станцию Кецин, – там погрузят вас, как телят, в вагоны, – и посадят в них задами на жесткие сиденья. Свистнет танк-паровоз, и: «Habe die Ehre!». Скот повезли на убой.

Уве сжал зубы.

– Дальше лучше. Пригоршня снега для утреннего туалета, сигарета и заплесневелый паек. Румыны слева, хорваты справа, и эти славные вояки бегут при первой возможности. А русские везде. И трупы, трупы. А тебе остается только ждать минометного налета... и молить бога, чтобы не в тебя.

Уве развернулся к водителю, чтобы закрыть ему рот, – кулаком.

И увидел, что у парня слезы текут по щекам.

Злость тут же испарилась.

– Кто? – спросил он.

Тот, как маленький, шмыгнул носом:

– Брат...

Парень, всхлипывая, переключил рычаг на третью, чтобы не отстать от переднего грузовика.

Сзади загудел мощный сигнал, и почти по обочине, разбрызгивая грязную воду, их обогнал легковой автомобиль.

«Кюбельваген».

– Начальство, – сказал парень нетвердым голосом. – Слушай, я не против фюрера. Он прав. Не будет фюрера, не будет Германии. Но мать не спит уже месяц...

Двигатели выли, колеса перемалывали землю.

Скоро «кюбельваген» появился опять, но теперь двигался навстречу колонне. Поравнявшись с грузовиком Клюга, возглавлявшим маленькую колонну первой роты, водитель «фольксвагена» высунул руку, отдавал приказ остановиться.

Его голову украшала офицерская фуражка.

Клюг вышел, чтобы узнать, в чем причина задержки, но не успел и рта раскрыть. Офицер спросил:

– Клюг?

И приказал:

– Передать командование ротой кому-нибудь из команды, – на станции разберутся. Садитесь в машину.

Клюг обошел грузовик, показал пальцем на сидящего у заднего борта:

– Садись в кабину. Назначаешься командиром роты.

Из глубины послышался смехок:

– Растешь, Шульц. Под Сталинградом выбьешься, в заместители генерал-лейтенанта Фриснера. Или станешь главным командиром.

Когда Клюг шел к машине, водитель грузовика прошипел вслед:

– Повезло, оберфельдебель...

Клюг открыл заднюю дверцу, сел на низкое сиденье.

Там развалился человек в черном кожаном плаще и шляпе; из под шарфа выглядывал темный галстук.

– Добрый день, господин Клюг, – поздоровался он.

Уве не ответил.

Водитель тронул автомобиль, и тот, набирая обороты, двинулся обратно в лагерь, мимо грузовиков с солдатами.

– Штурмбаннфюрер Райке, – сказал кожаный. – Как вы себя чувствуете, Клюг?

– Все было в норме, – ответил Уве. – До вашего появления.

Под ложечкой заныло. Этому Райке можно было не представляться. От него пахло гестапо.

– Похоже, вам еще рано на фронт, – без тени улыбки сказал Райке. – Вам надо подготовиться, окрепнуть. Съездить на юг...

Глава четвертая

Война подходила к своему кульминационному пункту.

Союзники планировали высадку в Италии. Русские, над которыми еще полгода тому назад, когда немцы подходили к Сталинграду и ворвались в Крым, нависла угроза поражения, теперь укрепились на берегу Волги, -и обе стороны отчаянно истребляли друг друга.

Воздушные, налеты на территорию Германии перестали быть чем-то экстраординарным. 25 июля 1941 года, когда на фоне больших потерь военно-воздушных сил Красной армии министр пропаганды нацистской Германии Йозеф Геббельс объявил, что советская авиация разгромлена, и главнокомандующий люфтваффе Герман Геринг заявил: «Ни одна бомба никогда не упадет на столицу рейха!», осталось далеко позади.

Британцы на тяжелых Б-17 и ланкастерах принялись методично разрушать немецкие города, порты и заводы. Ходили упорные слухи, что к антигерманской коалиции присоединятся ВВС США.

8-я и 15-я воздушные армии США находились в полной боевой готовности в Полербрук и Пайк-Райлинг в Британии.

Колоссальная военная машина Гитлера начала давать сбои. Силы союзников готовились к нанесению решительных ударов. Третий Рейх напоминал серьезно раненого зверя, – опасного, но слабеющего с каждым днем.

Руководители Германии, может и осознавали серьезность создавшегося положения, но не хотели признать это публично.

Курта Штайнера все это, казалось, не интересовало.

В управлении, – за глаза, конечно, его называли Надзирателем. Говаривали, что сам начальник отдела IV А 2, непосредственный руководитель Штайнера штурмбаннфюрер СС Курт Гайслер всерьез побаивался этого человека.

Оберштурмфюрер Штайнер походил на хорошо смазанный пистолет, действующий безотказно, и соображения личной симпатии, заслуг или доверия начальства к «объекту» никогда его не останавливали.

За его плечами осталось несколько разрушенных карьер, уничтоженные жизни, – и всегда обвинения в измене или преступной халатности очередного офицера подкреплялись железобетонными доказательствами.

Он служил в Главном управлении имперской безопасности со дня основания, – конца сентября 1939 года.

Его ценил и Гейдрих, и пришедший на смену Генрих Гиммлер. Бригадефюрер Вильгельм Крихбаум, заместитель группенфюрера СС Генриха Мюллера, также ценил исполнительного работника, но по непонятным причинам недолюбливал.

Оберштурмфюрера, по упорным слухам, привлекали к внутренним расследованиям, и это случалось по разным поводам, – обвинение в предательстве, недобросовестная служба, сокрытие деталей биографии, в том числе наличия неарийских предков или связей с неарийцами.

А это было похуже подозрения в работе на вражескую разведку.

Впрочем, все это не мешало его непосредственной работе в отделе IV А2, -саботаж, контрразведка, предатели родины...

Сейчас, в конце октября, Штайнер с головой ушел в изучение обстоятельств старого дела, материалы которого начали собираться еще с весны 1934 года, а в настоящее время лежали у него на столе.

Не то чтобы сегодня, в конце 1942 года, стоило копаться в далеком прошлом. Актуальных дел и так хватало.

Но события вокруг Йозефа Майера, заместителя начальника столичной полиции во времена развала Веймарской республики, позволяли предположить, что некоторые события настоящего тесно связаны с отставным полицейским.

Йозеф Майер подал в отставку после событий, связанных с утерей химического препарата под рабочим названием «эликсир истины». Препарат разрабатывался немецким ученым доктором Шредером. Майер руководил расследованием и поисками.

Все было безрезультатно. Препарат исчез*.

По некоторым косвенным уликам следствие предполагало, что имел место промышленный шпионаж, – со стороны одной из американских фармакологических фирм.

Йозеф Майер ушел со службы и вернулся в Мюнхен, где у него имелся фамильный дом.

Некоторое время назад оберштурмфюрер Штайнер принял звонок от своего человека в Мюнхенском управлении гестапо. Тот сообщил:

– Йозеф Майер погиб при взрыве бомбы во время налета англичан, – доложил его информатор. – Можно утверждать, что они находились на связи с Хансом Маркелем, псевдоним Трактирщик. Маркель снабжал Майерса мясом несколько раз за последний месяц. Следователь по делу уверен, что в пакетах отправлялись сообщения.

– Где сейчас Трактирщик? – спросил Штайнер.

– Арестован местным отделением гестапо.

– Причина?

– Трактирщика взяли, когда поняли, что может удрать.

Оберштурмфюрер Штайнер связался с Дитлинденштрассе 32 в Мюнхене, и потребовал у начальника главного отделения гестапо штандартенфюрера СС Эрика Иссельхорста отправить арестованного в Берлин.

Кое-кто не смог бы поверить, что оберштурмфюрер командует полковником, – но сам Иссельхорст хорошо знал, кто такой Штайнер, и какую роль он играет в РСХА.

Поэтому Штайнер получил быстрый и положительный ответ.

А сейчас сидел и просматривал старые полицейские отчеты.

От этого увлекательного занятия его отвлек внутренний телефон.

– Оберштурмфюрер, он готов, – доложил высокий голос. – Безопасную часть про доставку он выложил.

Штайнер посмотрел на часы:

– Час тридцать пять минут, Ганс. Вы превзошли самого себя. Спускаюсь!

Здание на Принцальбрехтштрассе жило своей лихорадочной жизнью. Хлопали двери, стрекотали пишущие машинки, сновали помощники с папками. Иногда проплывала крупная рыба, – обычно в форме; редко, – в гражданской одежде.

Штайнер замедлял ход, отдавал партийное приветствие, ускорял ход.

Некоторые, в том числе старшие по званию, предусмотрительно скидывали ладонь первыми. Прошли двое с Грюннерштрассе, – штандартенфюрер Отто Боензипен и Вильгельм Бок, недавно прибывший из Винницы. Боензипен посмотрел на Штайнера со страхом, Бок, – равнодушно.

Штайнер преодолел несколько пролетов лестницы вниз и достиг подвального этажа.

Здесь по всей длине здания тянулся длинный коридор, с множеством дверей и бетонным полом.

Сверившись с табличкой на третьей двери справа, Штайнер зашел внутрь. На стеллаже взял каучуковую дубинку, вышел, и вошел в следующую дверь.

В камере стоял плотный табачный туман.

Худой человек прислонился задом к столу и самозабвенно затягивался сигаретой. Вторым развалился на стуле и смотрел на стакан в руке.

– Что тут происходит? -заорал Штайнер. – Ганс! Пойдете под служебное расследование! Вон отсюда!!!

Ганса сдуло со стола. Загремела, закрываясь, стальная дверь. Арестованный поставил стакан на пол, сел ровно, руки положил на колени.

Оберштурмфюрер обошел стол, сел напротив арестованного.

У Трактирщика было узкое лицо и большой нос, уныло опущенный к верхней губе. Пшеничные волосы зачесаны назад, заправлены за оттопыренные уши.

Кто в группе слежки назвал Ханса Меркеля Трактирщиком, никто не помнил, на самом деле он был мясником, и держал лавку в шести кварталах от дома Йозефа Майера, в предместье Оберменциг.

Штайнер бросил перед собой палку и она прокатилась по тусклой поверхности столешницы.

– Веселье кончилось, – сказал он. – Ты знаешь, где находишься?

Тот кивнул.

– Ганс добрый. Я злой. Каждый неправильный ответ, – удар палкой. Там, в резине, свинцовый прут. Понял?

– Понял...

– Ты доставлял мясо на Карл-Теодор-штрассе 7?

Трактирщик сморщился, будто собирался заплакать:

– Да...

– Как часто?

– Четыре-пять раз в неделю, – голос Ханса Меркеля дрожал.

Мутная пелена опьянения сползала с глаз. Добрый следователь Ганс исчез, пришел страшный человек.

– Ты лично знаком с Йозефом Майером?

– Кто это?

Удар по плечу. Трактирщик взвыл.

– Владелец дома номер 7, куда ты доставлял мясо.

Ханс Меркель захныкал:

– привозил заказ, отдавал в руки, пожилому мужчине, все...

– Свежую говядину? По ценам черного рынка?

– Но сами понимаете, господин... мне ведь ее тоже не купить по государственной цене...

– За спекуляции на черном рынке тебя расстреляют!

– Не надо!!

В отличие от большинства коллег, считавших пытки единственным инструментом получения быстрого результата, оберштурмфюрер Штайнер был равнодушен к насилию, как таковому, – и использовал его только в самых необходимых случаях. Он презирал тех из своих товарищей, которые явно получали садистское удовлетворение, мучая подсудимых.

Его методом была смесь психологического давления, блефа и некоторого количества боли.

– Если хочешь избежать смерти, – сказал он мирно, – ты должен сказать, что, кроме мяса, было в пакетах. И все. Ты сотрудничаешь, – значит, ты не союзник врага. Понятно?

Трактирщик закивал, из носа потекло.

– Я говорил Гансу...

Штайнер поморщился.

– Слушаю.

– В каждый пакет я вкладывал записки, завернутые в лоскуты.

Он сделал паузу.

– Дальше, дальше! – Штайнер встал и принялся ходить вокруг стола, останавливаясь позади арестованного, чтобы легонько ткнуть его кулаком в затылок.

– Я что, должен из тебя клещами слова вытаскивать? Вызвать сантехника с клещами? Большой мастер...

– Хозяин номера 7 забирал пакет, я уезжал.

– А как ты извещал получателя?

– У меня наверху, в квартире телефон. Я звонил и говорил время.

– Как ты к нему обращался?

– Господин Майер...

– Почему ты тогда спросил «кто он»?

– Так по телефону же...

– Глуповат ты, Ханс. Ну, теперь самая легкая часть. Откуда записки? И что было в них?

– Я, – Трактирщик с ужасом осознал, что его язык отказывается служить, – для лавки придумал... рекламный трюк. С аргентинскими травами...

Штайнер поднял брови:

– В самом деле? Аргентинские? И откуда они у тебя?

– Каждое лето... выезжал за город... сам собирал и сушил...

Штайнер хмыкнул и принялся записывать полученные показания.

Он пододвинул к себе протокол допроса и стал сосредоточенно заполнять его, забыв о Трактирщике.

Тот с ужасом наблюдал отрешенное лицо офицера, – выцветшие глаза, серый поношенный китель с черными петлицами, синие узкие губы. Почти старик, – но с выверенными движениями, повелительным голосом, стальным блеском зрачков.

Когда оберштурмфюрер говорил, слова выходили из этих губ с треском чемоданной фибры.

Когда он стоял, он мог легко пройти под мышкой Трактирщика, и это пугало еще больше.

Когда он поднимал глаза... лучше не глядеть в эти глаза...

Глава пятая

Югом, который обещал ему штурмбаннфюрер Райке тогда, в Потсдаме, оказался Мюнхен.

На вокзале гуляли сквозняки, пахло гарью и углем.

Когда Уве Клюг вышел на темную привокзальную площадь, по дальней стороне прошел трамвай. В салоне не горел свет и тело вагона показалось Уве погибшим кораблем, уходящим в глубинную темень.

По обеим сторонам площади стояли кирпичные дома, и большая часть из них была разрушена бомбами; неровные зубцы стен темнели на фоне задрапированного тучами ночного неба.

Проехал экипаж, там кто-то сидел. Потом еще один.

Лишь третий оказался свободным.

Кучер остановил лошадь и опустил металлический значок у счетчика. Верх был поднят, и на плаще у кучера блестели капли дождя. Его лакированный цилиндр сверкал от воды.

Они долго ехали переулками под дождем. Не горели фонари, слепые окна смотрели на улицы. По неосвещенным улицам скользили тени прохожих; а может, это были ночные чудовища.

Мюнхен погрузился во тьму, затих в ожидании новых ужасов, падающих с неба.

Маленькая частная гостиница на Готе-платц понравилась ему с первого шага, который он сделал, сойдя с коляски.

Это можно было бы назвать пансионом, не будь здание таким старым. Толстые средневековые стены, низкие потолки и еще более низкие притолоки, и если, проходя дверь, не склонить голову, можно набить приличную шишку, и с минуту в изумлении тереть лоб или темя.

Его комната на первом этаже походила на келью. Узкое окно, сквозь которое с трудом могла пролезть беременная кошка. И даже эту щель наглухо заклеили черной бумагой.

Правила гражданской обороны строго соблюдались. Нарушения жестоко карались.

Столовая размером с гардероб, где длинный стол и две скамьи занимали большую часть площади пола. Милая пожилая хозяйка, свежие деревенские яйца, вкусный кофе и горячие булочки на завтрак. Хозяйка явно не гнушалась черного рынка, и цена комнаты говорила об этом.

Пока РСХА платит, ему все равно.

Шумный центр Мюнхена, израненный британской бомбардировкой, существовал где-то далеко.

Город его бывшего шефа по управлению полиции Берлина Йозефа Майера.

Во многом из-за служебного знакомства с Майером Уве Клюга за шиворот втащили в это конфиденциальное расследование РСХА.

Это был лучший исход, чем Сталинград, но все, что делалось вопреки воле Уве Клюга, вызывало естественную антипатию. И одно дело, – призыв в действующую армию для выполнения присяги; другое, – исполнять сомнительную роль в играх гестапо.

Однако, получив в руки дневник своего бывшего шефа, Уве решил, что сама загадка стоит того.

Разобрав дорожный саквояж, повесив на вешалку вещи, Уве сел к крошечному столику и положил перед собой армейский планшет. Вермахт забыл затребовать его обратно, с другой казенной собственностью, и Уве решил позаимствовать удобную вещь для своих надобностей.

Он достал потрепанную тетрадь без обложки, рассмотрел изображение неведомого божества, раскрыл тетрадь и стал делать выписки.

Даже человек, не знавший владельца дневника, по некоторым деталям, – описанию оружия, упоминанию структуры уголовного и политического сыска, иерархии властных структур, – мог сделать вывод, что автор и сам служил. Или в политической полиции, или в криминальной. Ко времени записей, скорее всего, уволен, – возможно по выслуге лет.

Йозеф Майер упоминал цепочку странных событий, произошедших с конца 1939 и по последнюю запись.

9-я тетрадь...

Вероятно, в предыдущих, если они существовали, ранние события Майер описал подробнее.

Здесь были упомянуты детали лишь трех, – убийство в декабре 1941-го штурмбаннфюрера СС Хельмута Дизеля и еще одно, 5 октября 1942, гауптштурмфюрера Киля. Более подробно описано третье, – отравление штандартенфюрера Клейста.

Оно стояло особняком.

Уве Клюг решил начать с показаний водителя Кунца, подчиненного штурмбаннфюрера СС Хельмута Дизеля. Оно позволяло наглядно представить себе произошедшее.

В дневнике Майер приводил его слова:

«В 22.35 я заехал за штурмбаннфюрером СС Дизелем в ресторан „Opitz“ на Променад плац. Штурмбаннфюрер был хорошо навеселе. Сначала я получил указание отвести его домой, на Гизелаштрассе, но через два квартала пассажир изменил решение и приказал везти его в гестапо, – мол, есть незаконченное дело. Когда мы проезжали Грюнгартен, штурмбаннфюрер изъявил желание облегчиться. Тут ЭТО и появилось».

Это интересно, отметил про себя Уве. У Йозефа Майера, полицейского отставника, был доступ к материалам следствия гестапо.

Следователь спрашивает:

«Откуда ОНО появилось?»

Водитель отвечает:

«Когда штурмбаннфюрер справлял свои дела, в зеркале заднего вида я увидел какое-то движение. Вдоль парка, по тротуару. Мне показалось, что это просто пешеход. Но слишком высокий для обыкновенного человека. У меня инструкция. Я проверил кобуру, открыл дверь и вышел. Штурмбаннфюрер все еще стоял у ствола дерева, я смотрел на неизвестного».

Следователь:

«Вы хорошо видели приближение?»

«Фонарь над нами не работал, но за фигурой был свет, так что я видел его как силуэт. Высокий, одет в тряпку, похожую на женское платье, подпоясанное. На голове шлем, – вроде армейского, но с чем-то, будто рога. Шел медленно, металлический звук шагов. Он походил на оленя или вепря, ставшего на задние ноги. Виноват, я тогда оцепенел и дал ему возможность подойти к машине. Несмотря на темноту, я увидел в руке предмет, похожий на длинное лезвие».

«Почему не воспользовались табельным оружием?»

«Только я собирался это сделать, сзади меня схватили. Похоже на полицейский удушающий прием. Мне заломали руки и нагнули. Я не мог пошевелиться.»

«Что дальше?»

«Шаги стали мягче, ОНО повернуло в парк и шло по земле. Вскрик и шипящий звук, – думаю, тогда, когда штурмбаннфюреру перерезали горло».

«Унтершарфюрер, а до инцидента вы не заметили ничего?»

«Я заметил, что от ресторана за нами следовала машина, но не придавал этому значения. Легковая, выключенные фары. Но у парка ее не было».

Автор дневника сделал примечание.

«Штурмбаннфюрер Дизель умер от потери крови. А может, просто в ней захлебнулся. Горло ему разрезали. Вероятно, Дизель так и не увидел убийцу. При осмотре места преступления найдены следы, не похожие на следы от ботинок или сапог. Один из экспертов сделал предположение, что убийца мог носить сандалии, похожие на античные...»

Уве взял листок бумаги и написал:

«Сандалии? В октябре?»

Стал читать дальше.

Убийство, относящееся к 1942 году, было описано не так детально, как предыдущее. Оно было и понятно, – оно случилось последним, и следствие еще не располагало подробностями. Йозеф Майер в дневнике лишь отметил, что гауптштурмфюрера Киля убили рано утром, на окраине, выстрелом в рот.

Уве потянулся к пачке сигарет, лежащей на кровати, закурил и задумался.

В той части дневника, что относится к сентябрю 1942, Йозеф Майер упоминает список из пяти случаев, – случая с штурмбаннфюрером Дизелем и еще четырех. Даты, места убийств, способ, и еще одно-два обстоятельства. Итак, – еще одна пуля в сердце, одного повесили в лесочке за городом, третьего отравили, четвертого, – утопили, привязав какую-ту железку от трактора к ногам.

Он недоуменно покачал головой.

Когда штурмбаннфюрер Райке в Потсдаме передавал ему дневник, он сказал:

– Вы конечно же понимаете, что эту тетрадь не должен видеть никто. Лучше всего, если будете оставлять ее в тайнике в своем жилье, и делать выписки. Мое руководство полагает, что проведенное без шумихи и официальной расследование может стать успешным. Вы, безусловно, получаете широкие полномочия, и тем не менее работаете, как частный детектив. И учтите, – кроме вас, Йозефом Майером интересуются другие лица из службы безопасности.

Уве Клюг очень сомневался, что под «руководством» штурмбаннфюрер Райке имел в виду руководителя отдела в РСХА, кто бы он там не был.

Над ним висело обвинение в убийстве близкого родственника гауляйтера Остмарка, а то задание он получил от человека, который сейчас руководил всей организацией гестапо. И пусть тогда он не представился истинным именем, со временем Клюг понял, что имел дело с Генрихом Мюллером, нынешним шефом гестапо.

Уве не было других идей, кто бы мог вытащить его с маршевого батальона и силой воли переместить в Мюнхен. Мюллер, судя по всему, помнил о нем, доверял его профессиональным навыкам, и ценил его непричастность к гестапо, партии и группировкам внутри этой громадной банки с пауками.

И эта цепкая память группфюрера СС совсем не радовала...

Глава шестая

Оберштурмфюрер Штайнер любил порядок. Не зря его называли Надзирателем.

Когда дело разрасталось, он составлял таблицы и рисовал схемы. Систематизацией Штайнер начал сразу после допроса Ханса Меркеля. Трактирщик стал отработанным материалом, который использовать в будущем представлялось невозможным. Он оказался оторванной пуговицей, – когда обе полы пиджака исчезли, – Йозеф Майер погиб при бомбежке, а его информатор оборвал свой конец нити.

Этот потрошитель коров устроил у себя в лавке филиал черного рынка. В итоге собрался круг покупателей, желавших свеженького мяса, и Трактирщик за очень хорошую оплату удовлетворял спрос.

У Штайнера в Берлине дел было по горло, и поездка в Мюнхен оказалась некстати. Но если хочешь, чтобы дело было сделано как надо, сделай это сам.

Штайнер раскрыл командирский полевой планшет «Meldekartentasche 35», достоинства которого успел оценить, достал оттуда чистый лист бумаги и отточенный карандаш.

Он во всем придерживался порядка.

В центре листа оберштурмфюрер выписал аккуратный кружок. Внутри написал мелко каллиграфическим почерком «Трактирщик».

От центрального кружка прочертил прямую, изобразил второй кружок, вписал туда Йозефа Майера. От Трактирщика в противоположную сторону увел еще одну прямую, и в очередном кружочке поставил знак вопроса. Вниз увел третью прямую, обозначил четвертый кружок, внутри написал «Иван».

Полюбовался своей работой.

Вот с этого Ивана все и началось.

Неведомо откуда в Мюнхене в июле месяце появился армейский офицер. У него отсутствовала кисть одной из рук, и с документами все было в порядке, – отпуск после ранения на фронте и лечения в госпитале Регенсбурга. Звали капитана Макс Хейслер, но это ничего не значило.

В начале октября стало известно, что Хейслер не тот, за кого себя выдает.

Штайнер сделал пометку в углу листа «как раскрыли Хейслера?» и продолжил свою классификацию.

Капитана обозначили «Иваном» и принялись водить по городу.

С начала месяца он трижды посетил лавку Трактирщика.

На допросе Трактирщик показал, что именно «Иван» еще в конце июля убедил его превратить лавку в почту.

Капитан наплел дураку Хансу что-то о женатых мужчинах, которые встречаются с замужними женщинами, домохозяйками, и что его пакеты с мясом, – лучшие бандероли.

Впрочем, Трактирщик не интересовался мелочами, так как «Иван» посулил ему неплохую добавку к спекулятивным махинациям с мясом. Да и «женатых мужчин» оказалось всего пару адресов.

Местное гестапо до самого конца не разобралось в функционировании «почты», и если бы не то обстоятельство, что «Иван» каждый раз выходил из лавки с пустыми руками, они продолжали бы бесцельно таскаться за русским, ожидая, когда же он засветит свою сеть.

Бомбардировка Мюнхена и бомба, попавшая в дом Майера, прервала операцию.

Но что было неприятно, что «Иван» ушел из поля зрения за два дня до 19 октября, когда англичане сбросили на город свой смертоносный груз. Скинул хвост где-то в городе, и сделал это настолько профессионально, что даже местным болванам стало в итоге ясно, что русский их засек.

А вот Трактирщику удрать не удалось. Резидент скорее всего предупредил мясника, тот запаниковал, и наружка сделала вывод, что Трактирщик собирается «взять денег в долг на каблуки»* (наострить лыжи).

Пришлось его брать, в лавке посадили своего продавца, но конечно, все зря.

Оберштурмфюрер встал из-за стола, распрямил спину, подошел к окну. Пальцами отодвинул тяжелую черную штору, выглянул.

Мошеная мостовая светилась влажным блеском. На противоположном тротуаре лежала куча кирпичей.

Мюнхен продолжал зализывать раны, нанесенные налетом.

Внизу раздался звук свистка. Патруль. Темная фигура внизу махала руками, словно мельница крыльями.

– Черт, – выругался Штайнер, потянулся к столу и выключил лампу.

Замер.

Он постоял так, у мутноватых стекол, потом тщательно задвинул шторы; вернулся за стол и включил лампу.

«Ивана» он назвал в этой схеме организатором.

И пока это было все, что служба безопасности знала о нем.

Оберштурмфюрера, конечно, больше интересовал кружок с вопросительным знаком. В его схеме он назывался «Источник».

Это был явно внутренний человек, человек из системы Рейха.

В таком случае Йозефа Майера следовало назвать «Получателем».

Неизвестный Штайнеру «Иван» построил простую рабочую цепочку. «Источник» подбрасывал информацию на «почту», это были записки, завернутые в лоскуты парашютного шелка. Почтальон Трактирщик доставлял ее «Получателю», а дальше она уходила за пределы Мюнхена. Советскому командованию.

Почему не напрямую «Ивану»?

Слишком длинные цепочки легче рвутся. Короткие цепочки легче вытаскиваются. По мнению русской разведки, двойной каскад обеспечивал достаточную безопасность.

Что же проходило по этой цепи, какие данные могли интересовать Москву?

Военные и промышленные секреты? Расположение объектов? Структуры Рейха? Ответ на этот вопрос помог бы сократить сектор поиска «Источника».

Цепочка распалась, – Майер погиб, «Иван» ушел, и скорее всего, навсегда; Трактирщик отправлен в концлагерь. А вот «Вопросительный знак» продолжал трудиться на своем месте.

Штайнеру не понравился знак?», и он, немного подумав, сменил его на «Информатор». Не все ли равно, – «Информатор» или «Источник». Рано или поздно к этому неизвестному будет искать подходы другой «Иван»...

Штайнер сложил схему в планшет, застегнул ремень и сунул под мышку. Осмотрел стол, выключил настольную лампу и вышел.

Здание отделения мюнхенского гестапо занимало квартал на Дитлинденштрассе 32—43. Верхний этаж оккупировало руководство. Кабинеты инспекторов разместили ниже этажом.

Оберштурмфюрер спустился по боковой лестнице и нашел кабинет инспектора полиции безопасности Освальда Шефера.

Формально оберштурмбаннфюрер Шефер был выше званием, однако при появлении Штайнера приподнялся, демонстрируя учтивую готовность помочь.

Этот кабинет походил на келью средневекового ученого-схимника, – маленький стол, узкая кровать, застеленная солдатским одеялом, закупоренное бумагой окно, настольная лампа, бросающая пятно лишь на бумаги на столешнице.

– Как продвигается работа? – спросил Шефер.

В его речи звучал выраженный нижнесаксонский диалект. Штайнер из досе знал, что инспектор Освальд Шефер родился в Брауншвейге.

– Не стоит ждать быстрых успехов, – уклончиво ответил Штайнер, и не удержался. – Все три нити, ведущие к посреднику, вами грубо оборваны. Надо искать концы.

Шефер обиженно поджал шубу. Именно он занимался «Иваном» и принял упрек в свой адрес.

Упрек, граничащий с личным оскорблением.

– Оберштурмбаннфюрер, – прервал эти переживания Штайнер. – Я хотел бы услышать более подробно, как вы обнаружили «Ивана».

Хозяин кабинета посуровел, однако предпочел засунуть в карман свое неудовольствие недружелюбным берлинцем. Он указал гостю на стул сбоку стола, приглашая сесть. Из выдвижного ящика достал папку. Открыл, быстро нашел нужный документ.

Начал читать:

– Макс Хейслер, документы, само собой фальшивые, псевдоним при разработке «Иван».

На него указал некто Виктор Мальцев, советский летчик.

– Вот о нем чуть подробнее, пожалуйста.

Оберштурмбаннфюрер оторвался от бумаги, начал рассказывать:

– Необычный персонаж. 8 Ноября 1941 года, в первый день оккупации Крыма нашими войсками, в форме Полковника ВВС РККА явился в немецкую военную комендатуру и предложил свои услуги по созданию антисоветского добровольческого батальона.

Оберштурмфюрер Штайнер удивленно поднял брови:

– Вот так просто?

– Отчет гауптмана Вайса из комендатуры Ялты, можете прочесть сами.

– Извините, я вас перебил, – сухо сказал Штайнер. – Слушаю.

– Мальцев не раз выступал перед местным населением с призывами о необходимости активной борьбы с большевизмом, лично сформировал в этих целях 55-й карательный батальон по борьбе с партизанами.

Освальд Шефер остановился, перелистнул несколько страниц.

– В августе, в районе города Орши по инициативе и под руководством бывших советских офицеров была создана русская авиагруппа при так называемой Русской национальной народной армии. Мальцев к тому времени уже подал рапорт о вступлении в армию Власова, но поскольку формирование РОА ещё не было начато, активно поддержал идею о создании русской добровольческой авиагруппы, которую ему и предложили возглавить.

Штайнер нетерпеливо пошевелился.

– Перехожу к «Ивану», – поспешил оберштурмбаннфюрер. – В конце августа Мальцев прибыл в Мюнхен с целью поиска среди военнопленных летчиков. Тех соплеменников, кто готов сотрудничать с РННА (Русской национальной народной армией). Такой тур по Германии. До этого был Кельн, Лейпциг и другие города.

В центре города он столкнулся с офицером вермахта, в котором узнал советского гражданина, которого знал по тренировочному летному лагерю в Джанкое. Он довел его до съемной квартиры и поспешил к нам.

– Он был столь категоричен? – спросил Штайнер.

– Мальцев показал, что сначала решил, что этот человек всего лишь похож на того, – из советского лагеря. Но у того, кого он знал по советскому прошлому, вместо кисти наличествовал протез с одетой на него перчаткой. И у этого тоже.

– Картина подходящая, – вслух произнес Штайнер. – Русские использовали реальное увечье для легенды о ранении на фронте...

– Вполне вероятно, – кивнул инспектор.

– Обстоятельства их первой встречи?

– Мальцева задействовали в полете, вторым пилотом. Небольшой пассажирский самолет транспортировал группу военных на некий объект. Одним из них был «Иван». На нем были погоны старшего лейтенанта Красной Армии.

– Вся жизнь соткана из случайностей, – пробормотал Штайнер. – Когда случился полет?

Человек за столом зашуршал бумагами:

– Так... начало октября 1936 года.

– Хорошо, теперь картина у меня перед глазами. – Сказал Штайнер, задумался. – У меня просьба. На несколько дней мне нужна машина. С водителем. Сегодня же я хочу оглядеться в мясной лавке, – в комнате, где жил «Иван». И, конечно же, в доме Йозефа Майера.

– Я сейчас же извещу ландесфюрера технической помощи. Ключи от комнаты и лавки у меня. Что касается дома Майера, там и двери нет. Проем закрыт досками, водитель для вас откроет. Что-нибудь еще?

Оберштурмфюрер Штайнер поднялся, остановился у двери:

– Да, еще одна просьба. Свяжитесь с начальником отдела гестапо и уголовной полиции в Киеве. Ялта, как я понимаю, это их зона ответственности. Узнайте, не остались ли в советских военных архивах упоминания о том полете, список пассажиров и так далее. Меня очень интересует этот старший лейтенант РККА.

– Постараюсь сделать все возможное, – ответил штурмбаннфюрер, поднимаясь. – И сразу же сообщу.

Глава седьмая

Андреас де Кордона снискал расположение высокопоставленных особ Мюнхена щедростью, титулом, роскошными вечеринками в поместье «Хуаайхен». А их жен, – утонченным обхождением, жгучей внешностью тореро и разнообразными подношениями; предлагаемыми столь ненавязчиво, что они воспринимались как знаки внимания от близкого человека.

Нацистских вельмож привлекал его цинизм, фаталистическое отношение к жизни и юмор висельника. Для большинства из них это составляло жизненное кредо.

Подонки стали элитой, ничего нового...

Что до его титула... сам де Кордона и пустил слух о своей дворянской родословной. Он мог быть сиятельным грандом, и с таким же успехом мог им не быть. Легенда, или быль, звучала очень красиво. Король Карлос в незапамятные времена отобрал 25 вельмож, – 13 герцогов, 5 маркизов и 7 графов, в основном кастильских), за которыми был закреплён титул гранда как принадлежавший их предкам с незапамятных времён. Линия отца Андреаса де Кордоны якобы восходила к одному из тех маркизов.

Как бы то ни было, пока к званию «гранд» прилагалось солидное наследство, позволяющее снимать роскошное поместье в Банхофф, никому не было дела до генеалогии испанской аристократии и ее истинности.

Положению дел способствовало то, что мать Андреаса была чистокровной немкой. Вот в этом случае аппарат гауляйтера Пауля Гислера в свое время навел нужные справки.

Здесь древо оказалось в полном порядке, до третьего колена. Ангела Гесс владела большим магазином одежды в Гамбурге, и к великой скорби Андреаса, скончалась несколько лет назад от удара. Бабушка несколько подвела, так как, кажется, была кухаркой у захудалого прусского барона, – но это обстоятельство и заставляло поверить во все остальное.

Куда делся голубых кровей папа, осведомляться считалось неуместным. Испания далеко, аристократические связи королевства запутанны, и Бог с ними. Замашки и манера одеваться испанского гранда титулу соответствовали, и этого баварской верхушке, во многом состоявших из бывших мясников, лавочников и бондарей, оказалось более, чем достаточно.

За несколько лет, которые Кордона провел в Мюнхене, он оброс связями, друзьями, собутыльниками и любовницами. Прожигать жизнь на чужие деньги хотелось всем.

Собутыльники опустошали его подвал, связи щедро подпитывались деньгами, а также знакомствами с нужными людьми, и предложениями скупки краденого и награбленного самими же нацистами имущества.

Любовницы ему были полезнее, чем собутыльники, и сама постель здесь занимала далеко не самые первые строчки приоритетов.

Кордоне все сходило с рук.

Иногда казалось, что узнай тот или иной чиновник или старший офицер о роковой связи спутницы жизни с красавцем испанских кровей, он лишь засмеется и скажет: для хорошего человека ничего не жалко.

Впрочем, Андреас де Кордона в делах как любовных, так и деловых, был предельно корректен, конфиденциален и санитарен.

Сейчас Андреас де Кордона сидел в гостевом кресле в кабинете заместителя гауляйтера Поля Эггелинга, аккуратно снимал целлофан с толстенькой «Партагас Коронас Сеньор», -а сам гауптдинстляйтер, с такой же сигарой во рту, следил за процессом, -ожидая, когда гость даст ему прикурить от своей золотой зажигалки.

Сам Кордона считал приобретение гауптдинстляйтера Мюнхена и Верхней Баварии в друзья одной из самых больших купюр в своем бумажнике.

Эггелинг был жаден до изумления, -хватал одно, в зубах держал второе, третье глотал; похотлив до безобразия, большой знаток роскошно выпить и закусить.

За чужой счет, разумеется. Последние одиннадцать месяцев, – за счет де Кордоны.

– В самом деле, дорогой Андреас, – сказал Эггелинг, выпуская колечко дыма и любуясь его плавным вращением в воздухе. – Всем в городе известно ваше пристрастие к дорогому табаку. Непонятно правда, как и откуда вы получаете свои роскошные сигары...

– Если вы поклянетесь, что никогда больше не сделаете ни одной затяжки, Поль, – ответил Кордона, окутывая себя облаком, – я открою вам эту тайну.

– Лучше не надо, – засмеялся хозяин кабинета, – я прощаю вам это маленькое предательство по отношению к немецкому табаку.

Андреас поморщился:

– Я патриот Рейха, но курить немецкую солому отказываюсь. Образование не позволяет. И вам не разрешу, хаха... кстати о интересах Рейха. У вас гость из Берлина?

– Целых два, -вздыхнул гауптдинстляйтер. – И оба по мою душу.

– Ну да, – кивнул гость. – Уважаемого гауляйтера нет на месте, так что старший, – вы. Впрочем, вы как отец Жозеф при кардинале Ришелье. Серый кардинал.

Толстяк гауптдинстляйтер надулся от гордости.

– Вам не откажешь в проницательности, дорогой Андреас. Именно я решаю здесь самые деликатные и секретные вопросы.

– Только не будем забывать о могуществе Ришелье, – тонко улыбнулся Кордона, – и выпьем за здоровье вашего шефа, группенфюрера СА Пауля Гислера.

Он поднял рюмку, и Эггелинг ответил тем же. Коньячок происходил из погребка гранда де Кордоны, а бутылочка «Харди» несомненно, стоила дороже полугодового жалованья сидевшего в приёмной секретаря гауптдинстляйтера.

– А эти ваши берлинские гости, – они к какой категории относятся, – деликатной или секретной?

– К обеим, – признался хозяин. – Признаюсь вам, что таких гостей у нас еще не было. Один ловец шпионов, другой ловец маниакальных убийц. И оба из гестапо. Сами понимаете, милый Андреас, – это строго между нами. Государственные секреты. Ни с кем другим я бы не стал откровенничать...

– Я высоко ценю это, – искренне сказал Кордона. – и никогда не злоупотребил оказанным мне доверием. И все же странно...

– Что именно?

– Шпионы... в Мюнхене? Зачем? Я бы поверил в британского разведчика в Берлине, где все тайны Рейха... но тут, в провинции, что делать вражеской разведке?

– Не забывайте, что мы, – правительство Верхней Баварии, – уязвлено объявил Эггелинг и положил руку на пачку бумаг слева от себя. – Вот здесь, у меня на столе, государственных секретов не меньше, чем в рейхсканцелярии. Бавария, – промышленный район, дорогой Андреас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.